

12. Мережковский, Д. С. Стихотворения / Д. С. Мережковский. – URL: http://az.lib.ru/m/merezhkovskij_d_s/index_4.shtml
13. Набоков, В. В. Стихи / В. В. Набоков. – URL: <http://lib.ru/NAVOKOW/stihi.txt>
14. Найдыш, В. М. Мифология. / В. М. Найдыш. – М., 2010.
15. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 1992. – URL: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt

16. Тютчев, Ф. И. Полное собрание стихотворений: в 2 т. / Ф. И. Тютчев. – М., 1994. – URL: http://az.lib.ru/t/tjutchev_f_i/text_0010.shtml
17. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1986.
18. Юнг, К. Г. Архетип и символ. Подход к бессознательному / К. Г. Юнг. – М., 1991. – URL: <http://jungland.ru/Library/PodhodBess.htm#8>

УДК 81.233

М. Б. Елисеева

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ И СКЛОНЕНИЯ АДЪЕКТИВНЫХ СЛОВ В РЕЧИ РЕБЕНКА РАННЕГО ВОЗРАСТА

*Работа поддерживалась Российским научным фондом, грант 14-18-03668,
«Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции
на ранних этапах развития ребенка»*

В статье анализируется употребление и склонение адъективных слов (имен прилагательных, указательных, относительно-вопросительных, притяжательных и определительных местоимений, причастий) в речи русскоговорящего ребенка в возрасте от 2 до 3 лет. Рассматриваются падежно-числовые формы различных типов адъективных слов, а также первые случаи кратких форм и образования степеней сравнения имен прилагательных.

Прилагательные, адъективные местоимения, причастия, грамматическое согласование, синтаксическое употребление.

The use and declension of adjective words (adjectives, demonstrative, relative-interrogative, possessive and attributive pronouns, and participles) in the speech of the Russian-speaking child aged from 2 till 3 year old is analyzed. Case and number forms of various types of the adjective words, and also the first cases of short forms and formation of degrees of comparison of adjectives are considered in the paper.

Adjectives, adjective pronouns, grammatical coordination, syntactic use.

Введение.

Материалом настоящего исследования служат систематические дневниковые записи речи одного ребенка – моей дочери Лизы 1996 года рождения. Анализировался фрагмент дневника от 2 до 3 лет. Употребление первых прилагательных в пассивном и активном лексиконе Лизы подробно рассмотрено в монографии [4, с. 172–177]. В период лексического взрыва (1,8–1,9) в речи ребенка возникли качественные и притяжательные прилагательные. Около двух лет прилагательные употреблялись изолированно, вне словосочетаний, но при этом в нескольких формах: именительном и винительном падежах, женском и мужском роде, единственном и множественном числе. У нескольких прилагательных отмечено появление соотносительных форм, причем если разные формы прилагательных *сопливый* и *сопливая* отделены 26 днями, то формы *любимая*, *любимого* и *любимый* появляются одна вслед за другой: 1,11,24; 1,11,25; 1,11,29.

После двух лет прилагательные последовательно склоняются.

Сразу после двух лет появляются сочетание семантических элементов «носитель признака – при-

знак» («квалитативные конструкции», «квалитативные высказывания», «квалитативные семантические комплексы» – по М. Д. Воейковой), а именно: словосочетания прилагательных с существительными с противопоставленными формами винительного и именительного падежей: 2,0 *Мисинию симику... а бабуки* (мышиную семейку у бабушки). Говорит про книжку, забытую у бабушки; все эти дни про нее вспоминает. Потом изменила форму высказывания и стала повторять много раз: *Мисиния симийка* (мышиная семейка).

Основная часть.

М. Д. Воейкова пишет, что «для усвоения грамматического согласования характерна опора на созвучие прилагательного с существительным (созвучные сочетания типа *большую ногу* будут усвоены раньше, чем контрастные *большой ноге*) [1, с. 208]. Действительно, как правило, в речи нашего информанта это так, хотя понятно, что мы можем здесь говорить только о тех случаях, когда прилагательное использовано неизоллированно. Примыкают к подобным употреблениям случаи, когда сначала произносится только существительное, а затем – прилага-

тельное как уточняющая информация: 2,0,7 *А паянку. А тиянюю* (на машинку, на стиральную).

Использование изолированных прилагательных встречается нередко и после двух лет, но трактовать его уже можно иначе: ведь подобное употребление характерно и для разговорной речи взрослых. В приведенном ниже диалоге со взрослым вслед за неоднократным изолированным употреблением прилагательных (*жареная, вареные, сырые, другие*) следует употребление другого прилагательного уже в сочетании с существительным – и это употребление объяснимо: смысл предыдущих высказываний ясен, несмотря на неполноту; смысл последнего без существительного был бы скрыт: 2,0,12 *Этя заиняя* (это жареная) – о котлете. Сразу вслед за этим, глядя на пакет с макаронами на столе: *Аяния* (вареные). – Нет. – *Сиин. Аянии дигие* (Сырые. Вареные другие). После этого тут же вспоминает: *Зияя тиипах. Ея капуту. Аписая патам* (живая черепаха, ела капусту, написала потом)¹.

М. Д. Воейкова пишет: «Русский язык отличается от германских языков тем, что имена прилагательные в нем маркируются морфологически, однако не до конца определены синтаксически. Так, в высказывании *Хорошая у Лены машина* граница между атрибутивным и предикативным употреблением прилагательного стерта. Тем более затруднительно определить синтаксическую функцию прилагательного в двусловных разговорных высказываниях типа *машина хорошая* или *хорошая машина*» [9, с. 13]. Подобные примеры, со стертым синтаксическим употреблением прилагательных, часты в речи Лизы:

2,0,7 Играет с буквами-картинками и беседует сама с собой: *Этя катинки... Катинка каяся...* (это картинки, картинка хорошая).

2,0,8 *Наий аганик* (новый нагрудник) – о фантике от шоколадки, который пытается надеть на шею.

2,0,11 *Изитькин Пиф ибимий* (Лизочкин Пиф любимый).

2,0,11 *Садийка таяпия, таяпия садийка* (сарделька теплая, теплая сарделька).

2,8,11 В парке Эттерсберге в церкви: *Тюдний гаит* (чудный? город).

Интересен случай составного именного сказуемого с инверсией и глаголом-связкой *быть* в форме будущего времени, формально употребленным правильно, но по смыслу некорректным в данном контексте: 2,6,8 Вспомнила: *Ми гаявку памии папумам. Будет она аяматия* (мы головку помыли шампунем. Будет она ароматная).

После двух лет встречаются контексты с последовательным употреблением одного и того же прилагательного в разных формах: 2,3,7 *Патамута дабий индук. Утка дабия* (потому что добрый индюк. Утка добрая).

М. Д. Воейкова отмечает: «Русский ребенок должен усвоить три разных правила согласования для этих падежей. У тавтологических падежей это правило можно сформулировать так: окончание прилагательных созвучно окончанию существительных. Редулицированные падежи требуют более сложного построения с удвоением слога, которое достаточно естественно для ребенка, так как редуликация является одной из самых ранних экстраграмматических операций. Для контрастных падежей это правило не подходит, и ребенку приходится выстроить целую цепочку правил согласования. Естественно предположить, что тавтологические падежи усваиваются первыми» [2, с. 257].

Анализируя употребление прилагательных Женей Гвоздевым, М. Д. Воейкова пишет, что «период его языкового развития до 2;4 содержит большое число и ошибочных, и нормативных тавтологических и редуликационных согласований [майя папа, йабльку балс'уйу, какой басой]. Заметно, что Женя старается последовательно избавиться от существительных среднего рода ... Вместе с тем остаются формы, которые невозможно объяснить [куб'ик балсайа]... Значительно увеличился ряд правильных согласований, причем исключительно за счет тавтологических форм мн. ч., им. п. и вин. п. ж. р. В следующем периоде встречаются и редулицированные формы род. п. м. р. [йабльцка б'ел'ин'кьва]... А. Н. Гвоздев считает, что усвоение родового согласования значительно отстает от согласования в числе и падеже. Согласование по числу как наиболее простое в формальном отношении действительно устанавливается рано. Что касается согласования в косвенных падежах, оно, как говорилось выше, зависит от того, насколько флексия прилагательного соотносится с падежной флексией существительного. А. Н. Гвоздев отмечает в качестве первого косвенного падежа вин. п., при этом приводятся существительные ж. р. Род. п. м. р. отмечен около 2,5, в то время как род. п. ж. р. – около 2,10 (у чужой елки). Это объяснимо, так как приведенные сочетания различаются не столько родом (плохо осознаваемым у неодушевленных сущ.), сколько типом согласования. Тв. п. ж. р., естественно, встречается гораздо раньше – около 2;7 (водой грязной), в это же время отмечен и первый тв. ср. р., правда неверный (с окошечкой одним). К возрасту 2;7 А. Н. Гвоздев считает падежные окончания усвоенными» [1, с. 269], хотя заметим, что в речи Жени Гвоздева до 2,6 отмечено лишь 23 прилагательных, и они встречаются редко [3, с. 438].

Первые случаи склонения прилагательных в речи Лизы – в форме винительного падежа женского рода: это те формы, которые М. Д. Воейкова называет тавтологическими и редулицирующими [1]: 2,0 *Сабатью гававу* (собачью голову), *Зююю таяпаху, атаясю* (живую черепаху, настоящую), *Дугую маянитку, капатькам* (другую пирамидку, с колпачком); 2,0,1 *Какину, какину, какину, Анитькину!* (куклину, Анечкину) – Что? – *Наську!* (ложку) Просит игрушечную ложку для новой куклы, которую мы назвали Анечка; 2,6,1 *Папа китаит гаятую ядý* (папа включает горячую

¹ Филипп, речь которого проанализирована М. Д. Воейковой, употреблял «до 90 % изолированных прилагательных, в то время как процент сочетаний прилагательного с существительным очень невелик на протяжении всего исследуемого периода от 1;4 до 2;9» [1, с. 251].

воду). В редулицирующей конструкции формы винительного падежа женского рода прилагательных отмечены иногда с предлогом или филлером : 2,3 *А питу гаятью* (на/о? плитку горячую); 2,7,10 Надевает носки и тапки: *На паюю насыку* (на правую ножку).

Встречается и винительный падеж прилагательного мужского рода, тоже в редулицирующей конструкции: 2,11,6: *Дай мне этого манстыка пъястии-навава* (пластилинового).

Интересен пример употребления местоименного прилагательного *другой* в сочетании с существительным среднего рода: 2,2,30 *Сятит попить дугая мася* (хочет попить другое масло). Внешне это не выглядит как ошибка (в это время гласный О заменялся гласным А, поэтому «другое» могло бы звучать как «другая»). Однако существительные среднего рода в этом возрасте не осознавались (что типично для речи детей, С. Н. Цейтлин называет этот тип ошибки в числе прочих разновидностей словоизменительных инноваций при употреблении имен существительных (см. [4]: только в 2,11,30 в дневнике замечено правильное употребление существительного среднего рода: *Одно каеько, а потом дьюгое* (Одно колечко, а потом другое). До этого возраста фиксируются либо ошибочные употребления, либо внешне правильные, как в приведенном выше примере (совпавшие с нормативным в силу особенностей детского произношения или же в результате имитации).

Примеры с ошибочным редулицирующим согласованием вследствие устранения существительных среднего рода нередки: 2,0,15 *Басюю ябытьку* (большую яблочку); 2,1,6 *Самую басюю кайтьку* (самую большую колечку); 2,2,18 *Дугую симитьку!* (другую семечку) – требует семечко из яблока – сначала одно, потом другое; 2,4,16 *Я сатю дугую идайку* (Я хочу другую ведерку); 2,11,1 *Дай мне дьюгую мясу!*.

При ответе на вопрос, требующий формы творительного падежа, затруднения не возникает – вероятно, вследствие тавтологичности флексий: 2,0,2 – Какой ручкой Лиза ест? – *Паий* (правой).

Формы множественного числа прилагательных появляются сразу после 2 лет, однако только в именительном падеже: 2,0,6 *Тяпии насыки* (теплые носки); 2,0,8 Увидела игрушечный цветок на кухне: *Титяк! Агасиний!* (цветок! Игрушечный!) – и сразу побежала в комнату посмотреть на цветы в горшках со словами: *Зиии а акаськи* (живые на окошке); 2,6,20 *Дикие писи* (дикие песни) – так почему-то сказала, когда я поставила диск с «Энигмой». Думаю, что это цитата «из нас» по другому поводу. Несколько раз, улыбаясь, повторила.

В 2,4,20 отмечена форма винительного падежа множественного числа с «редуцированным» окончанием: 2,4,20 *Я исю маиньки игусат* (я ищу маленьких лягушат).

Краткая форма прилагательного появляется до 2 лет (*мала*), без существительного. После двух лет краткие формы встречаются внутри предложений в формах мужского и женского рода, а также в форме множественного числа.

2,0 ,22 *Амаи ити капатьки* (не малы эти тапочки).

2,0,23 *Аяята мама* (виновата мама).

2, 1,8 *Дугой абам нузин* (другой альбом нужен).

2,11 Играет с шариком. *Ан не хатит кайбасы, саик. Ан сыт* (он не хочет колбасы, шарик. Он сыт).

Заметим, что практически все употребленные формы лексикализованы и не имеют противопоставленных полных форм.

Рано появляются прилагательные в составной превосходной степени:

2,1,3 *Ита самая басяя* – кажется, о рыси.

2,1,6 Собирая пирамидку: *Самую басюю кайтьку* (самую большую колечку).

Однако записано всего два примера до трех лет, и никаких других форм степеней сравнения нет. Исключение – использование такой формы в цитате (сначала – точной, потом – с перестановкой слов): 2,3,23 Цитирует, моясь в ванночке: *Патяси майти уси* (почаще мойте уши) – из И. Токмаковой; 2,6,25 Я пытаюсь прочистить ей уши, Л вспоминает (неточно) строчку стихотворения Токмаковой про гнома: *Патяси уси майти!* (почаще уши мойте).

Ребенком употребляются и другие адъективные слова: указательные, относительно-вопросительные, притяжательные и определительные местоимения, а также причастия.

После двух лет частотным в речи Лизы становится слово *какой*, о которой М. Д. Воейкова пишет так: «Конструкция с местоимением *какой/какая* является эмоционально окрашенной разновидностью «демонстративных» конструкций. Для нее характерна особая выделительная интонация» [1, с. 242]. Подобные конструкции являются риторическими восклицаниями или риторическими вопросами, в которых вопросительно-относительное местоимение *какой* стоит в форме именительного падежа (единственного или множественного числа, женского и мужского рода): 2,2,25 *Какай мисутка сияй!* (какой мишутка смешной!); 2,3,11 *Собака какая басяя!* – о пробежавшей мимо овчарке; 2,3,24 Играет с водой: *Исинок замас... *Какая/й зи это исинок? Это Изя, не исинок!* (осьминог замерз. Какой же это осьминог? Это Лиза, не осьминог!); 2,11,19 Бегала на горку и скатывалась с горки, приговаривая: *Какой атвазный Зюминг!*

Относительное местоимение *какой* в роли союзного слова употреблено в форме родительного падежа: 2,4,5 *Дать сяна! Сяна!.. Кази маме, какого сяна* (скажи маме, какого слона); неопределенные местоимения, образованные от относительного с помощью суффикса -то, встречаются в винительном, дательном, предложном, а также именительном падежах: 2,4,8 Какаму-та зийку надить. (Какому-то зверьку надеть); 2,9,4 *Давай мамаська сава пагааим. На бумаське какай-та* (давай немножко слова поговорим. На бумажке какой-то); 2,9,13 *Ябытьку какую-то дать мне*; 2,9,21 Часто: *Дать какава-та звия* (дать какого-то зверя); 2,11,19 *Какой-то запайк пиитийся* (какой-то зоопарк получился).

Часто употребляются и указательные местоимения *такой/такая* в формах именительного (ед. и множ.), родительного (ед.) и творительного (ед. и

множ.): 2,1,11 Часто употребляет слово «такой», склоняя его; 2,2,12 *Зяк такой* (звук такой) – при ударе по мячу; 2,3,16 О коробочке от зубной пасты: *Мазя гаясь да такой масинки...* (можно гараж для такой машинки); 2,2,1 *Нить такой патинки па титатка* (нет такой пластинки про цветочка); 2,2,29 О рыбе (большой по сравнению с другими картинками рядом): *Иба, иба агамая. ... Газками такими...* (рыба, рыба огромная... С глазками такими...); 2,9,6 Дедушка и папа пилят. *Изка матит таким интиисам* (Лизка смотрит (с) таким интересом). Цитирует кого-то из взрослых – вероятно, меня; 2,11,28 Надели красивое платье. *Гостю показэм такую пъятицу* (платьицу). Зафиксирован один случай сочетания слова *такой* с существительным 3 склонения, перекочевавшим в 1-е, с редулицирующим согласованием: 2,4,25 *Ти пиипутая такую гупатю* (Ты перепутала такую глупостю=глупостю).

Указательные местоимения *этом/ эта* встречаются, кроме именительного, в формах творительного и предложного падежей – без предлогов и с предлогами *на* и *в*: 2,5,11 Выбирает место себе для сна, ходит с подушкой: *Ми на этой каятке язим* (мы на этой кровати ляжем); 2,11,1 Слушает ракушку: *Там мая... В этой якуски мая...* (там море. В этой ракушке море).

В различных формах используются также притяжательные местоимения *мой и чей*: 2,3,18 Изображает почему-то: *Это тя насыка? (это чья ложка?); 2,9,6 Нажимает кнопки на Ванином музыкальном руле: *Катик узи висай... Ан икидайся моей музыки* (котик уже вышел. Он испугался моей музыки).

Первые причастия (страдательные прошедшего времени, полные и краткие, отмечены рано – в период лексического взрыва: *акита* (открыта) 1,8,12, мисия (мытая) 1,8,28; *чисина* (чищена) 1,9,5; *аписаны* 1,9,18 (описаны).

В 1,11 употребляется причастие *сямай* сломанный. В 1,11, 28 о тертом сыре Лиза говорит *тииний* – «тёрёный», образуя окказиональную форму причастия. В 2,0,1 это же причастие звучит как *тякая* (тёртая) – о морковке.

После 2-х фиксируются краткие формы страдательных причастий – в мужском и женском роде, в роли предиката: 2,0,12 *Агаина сяттик* (оторвана хвостик) – неверное согласование. Повторила за мной правильно; 2,0,13 *Атаян сяттик* (оторван хвостик) – сказала о той же ящерке в книжке, что и вчера, но уже правильно согласовав; 2,0,22 *Патиина каятка батикина* (постелена кровать братикина) – о непостеленной кровати; *Каява аисаина* (корова нарисована) – о крышке от воимикса без коровы (помнит, что на самой коробке была корова); 2,7,5 *Какита купина* (котлета куплена) – ест котлету, мной изготовленную.

Окказиональная форма краткого страдательного причастия прошедшего времени с сохранением неподвижного ударения зафиксирована в 2,11,21: *Она ястигну́та* (растегнута) – о молнии.

Страдательные причастия прошедшего времени употребляются и в полной форме, причем иногда от них образуются слова с приставкой *не*: 2,6,6 У нас

Алешины друзья. Лиза берет расческу и просит меня ее причесать. "А то у нас гости, мальчики..." – *А ти нипитясаная* (а ты непричесанная); 2,7,5 *Саик самайся. Санк саминий* (шарик сломался. Шарик сломанный). Страдательные причастия прош. вр. встречаются нередко; 2,9,4 Говорит, глядя на фотографию, где мы завтракаем в Праге: *А та не пустят на катии такой никаймйанай* (а то не пустят на качели такой некормленной).

Полное страдательное причастие *отрезанные* в форме множественного числа встречается и в позиции к существительному (обратим внимание на то, что здесь употреблено также определительное местоимение *всякие*): 2,7,11 Резала ножницами и рвала бумагу. В заключение сказала: *Это сакии бумаги, атизинии бумаги и миня... Это сакии бумаги...Это сакии бумаги...Это сакии бумаги...* (это всякие бумаги, отрезанные бумаги у меня...)

Интересен случай употребления действительного причастия настоящего времени: 2,5,2 *Китька паюся абия кувик* (птичка поющая разбила/отбила клювик) – о керамической птичке-окарине с отбитым клювом). «Поющая» – мое слово (я дула птичке в хвост и показывала Лизе, как она поет).

Выводы.

Таким образом, различные адъективные слова ведут себя в речи ребенка неодинаково. Первыми – в период лексического взрыва (1,8–1,9) – в речи ребенка возникли качественные и притяжательные прилагательные, а также страдательные причастия (обычно в краткой форме). Около двух лет прилагательные употреблялись изолированно, вне словосочетаний, но при этом в нескольких формах: именительном и винительном падежах, женском и мужском роде. У нескольких прилагательных отмечено появление соотносительных форм. Сразу после двух лет появляются качественные конструкции с противопоставленными формами винительного и именительного падежей, а также формы множественного числа в именительном падеже.

Для усвоения грамматического согласования характерна опора на созвучие прилагательного с существительным: созвучные сочетания усваиваются раньше, чем контрастные. Первые случаи склонения прилагательных в речи Лизы – тавтологические и редулицированные – в форме винительного падежа женского рода. Нередки примеры с ошибочным редулицирующим согласованием вследствие устранения существительных среднего рода.

Краткая форма прилагательного появляется до 2 лет и употреблена изолированно. После двух лет краткие формы встречаются внутри предложений в формах мужского и женского рода, а также в форме множественного числа. Все формы лексикализованы и не имеют противопоставленных полных форм.

Ребенком активно употребляются и другие адъективные слова: указательные, относительно-вопросительные, притяжательные и определительные местоимения – в различных падежных формах.

Литература

1. Воейкова, М. Д. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка / М. Д. Воейкова. – М., 2011.
2. Воейкова М. Д. Семантика и морфология прилагательных на ранних этапах усвоения русского языка ребенком / М. Д. Воейкова // Проблемы онтолингвистики – 2009:

- Материалы международной конференции. – СПб., 2009. – С. 13–16.
3. Гвоздев, А. Н. Вопросы изучения детской речи / А. Н. Гвоздев. – СПб., 2007.
 4. Елисеева, М. Б. Становление индивидуальной языковой системы ребенка: ранние этапы / М. Б. Елисеева. – М., 2014.
 5. Цейтлин, С. Н. Лингвистические этюды / С. Н. Цейтлин. – СПб., 2013

УДК 81'25

Е. С. Краснопева

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Л. А. Нефедова
Челябинский государственный университет

О ТЕНДЕНЦИЯХ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ И НОРМАЛИЗАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО ПЕРЕВОДНОГО ДИСКУРСА)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
«Русскоязычный переводной дискурс: эмпирический и теоретический аспекты изучения»,
проект № 15-54-00020*

В статье приводится описание результатов исследования глагола речи «сказать» в переводах на русский язык, основанного на корпусных данных. В работе находят воплощение количественный подход, включающий анализ данных сравнительного пользовательского корпуса, а также качественный подход, реализующийся в анализе более 1000 англо-русских би-текстов, отобранных в параллельном корпусе Национального корпуса русского языка. По итогам эксперимента делается вывод о присутствии тенденций нормализации и интерференции в рассматриваемом материале.

Переводоведение, переводной дискурс, переводческая интерференция, нормализация, переводческие универсалии, корпусное переводоведение.

The paper presents a corpus-based case study of the speech verb “skazat” in translations into Russian. The study employs both a quantitative approach, involving analysis of data gathered from a DIY comparable corpus, and a qualitative approach featuring analysis of over a 1000 English-Russian bi-texts drawn from the parallel component of the Russian National Corpus. Based on the results of the study, the author concludes that tendencies of normalisation and interference are both present in the translations under consideration.

Translation studies, translated discourse, interference in translation, normalisation, universals of translation, corpus-based translation studies.

Введение.

Универсалии перевода в зарубежном переводоведении определяются как черты, характеризующие переводные и отсутствующие в непереводах текстах. Указанные особенности при этом не являются результатом взаимного влияния языковых систем [7]. Для автора данного понятия, М. Бейкер, универсалии – это также дескриптивные конструкторы, рабочие гипотезы, требующие постоянной эмпирической проверки [6]. Если лингвистика универсалии призвана обнаружить черты, свойственные большинству языковых систем, то в качестве объекта изучения переводоведения универсалий, на наш взгляд, предстает переводной дискурс (термин Н. К. Гарбовского) [1], [2].

Первоначальный набор универсалий М. Бейкер – это симплификация (simplification), экспликация (explicitation); нормализация (normalisation/conservatism); языковое выравнивание (leveling out) [6]. Интерференция, в отличие от перечисленных выше тенденций, не имеет четкого общепризнанного ста-

туса универсалии. Переводческую интерференцию стоит отличать от лингвистической, поскольку первая «имеет не языковой характер, а дискурсивный» [2, с. 134]: переводчик находится в определенных рамках, и именно «конкретность и материальность, осязаемость формы оригинального текста по сравнению с абстрактностью системы переводящего языка в сознании переводчика вызывают переводческую интерференцию» [1, с. 16]. Г. Тури заключает рассматриваемое явление в один из законов перевода (Law of Interference), который гласит: при переводе феномены, определяющие организацию текста оригинала, чаще всего переносятся в текст перевода [10, с. 275]. Н. К. Гарбовский называет переводческую интерференцию основной причиной возникновения текстов особого типа, которые можно объединить в «переводной дискурс» [1]. По словам А. Мауранен, интерференцию необходимо рассматривать как универсальную тенденцию высокого уровня абстракции, потенциально реализующуюся при переводе в каждой языковой паре. Указанное положение строится